

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
А. Г. ШКУРО**

если попытаться представить себе портрет типичного Белого казака, олицетворяющего казачью вольницу, не признающую никаких законов и предписаний, кроме «правды степных просторов», то, пожалуй, лучшего примера, чем генерал Шкуро, не найти. Лихой казак-партизан, бесшабашный гуляка, человек, большую часть своей жизни проводивший в боях и походах, «степной волк», как называли его современники, он стал во многом таким же «образом» Гражданской войны, как и его боевые товарищи – «волки-шкуринцы».

Основным источником биографии Шкуро являются его воспоминания, опубликованные в Буэнос-Айресе в 1961 году. Их запись (со слов самого Шкуро) и литературную обработку сделал еще в 1920–1921 годах в Париже полковник В. М. Бек. Мемуары производят впечатление явно незавершенных (последний эпизод 24-й главы – награждение Шкуро английским орденом Бани в ноябре 1919 года) и, возможно, по этой причине их не стали публиковать в 1920–30-е годы. Позднее Бек переехал в Южную Америку, где скончался в 1944 году, а в 1960 году уцелевшая рукопись была передана вдовой полковника издательству «Сеятель» в Буэнос-Айресе, там и вышло единственное издание этой книги на русском языке. В России первое полное издание «Записок белого партизана» было осуществлено в 1991 году.

Но наличие авторских «Записок» не избавило историографию от множества ошибок и разночтений. Фамилия генерала вызывала у советских авторов некоторое злорадство, причем подчеркивалось, что «настоящая фамилия генерала – Шкура (с ударением на первом слоге. – В. Ц.), измененная им для благозвучности в Шкуро». В статье, опубликованной в 1918 году в белогвардейском журнале «Донская Волна», его называли «Полковник Шкура» (с ударением на втором слоге). А в аналогичной статье в 1919 году – уже уважительно: «Генерал А. Г. Шкуро». Возможно, что на эту перемену оказал влияние полученный Андреем Григорьевичем генеральский чин.

Биография Шкуро до 1914 года во многом типична для казачьих офицеров того времени. Родился в Екатеринодаре 19 января 1887 года. Его отец Григорий Федорович происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской, расположенной недалеко от Екатеринодара, служил в одном из наиболее привилегированных кубанских полков – 1-м Екатеринодарском. Традиционная казачья семья, с крепкими устоями, прочным домашним укладом. Григорий Шкура, закончивший службу в чине полковника, в молодости еще простым казаком участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов, а затем в Ахал-Текинской экспедиции в Туркестане в 1881 году, в многочисленных экспедициях против горцев на Кавказе. Мать, Анастасия Андреевна, также коренная казачка, дочь священника.

Раннее детство будущего Белого генерала прошло в станице Пашковской, как рассказывал он сам, «в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками – казачатами», что приносило «немало огорчений матери, не успевавшей чинить вечно изорванную одежду». Когда Андрею исполнилось 8 лет, его отдали в станичную школу, а затем в подготовительный класс Александровского реального училища.

В 10 лет его вместе с другими казачатами отправили в Москву, поступать в 3-й Московский Императора Александра III кадетский корпус. Кадетские годы летели быстро. Уже в детстве сложились черты характера будущего генерала – подвижность, горячность, стремление постоять за себя, упрямство.

В то же время стремление постоянно быть впереди других, «искать приключения», открытость в общении, независимость делали его своеобразным «лидером» в кадетской среде.

В 1905 году «брожение умов», охватившее Российскую Империю, не миновало и стен кадетских корпусов. В корпусе возник конфликт, до смешного похожий на пресловутый мятеж на броненосце «Потемкин». Из-за «неудовлетворительного качества подаваемых котлет» начался «кадетский бунт», воспитанники старших классов на целую ночь захватили здание корпуса и потребовали увольнения нескольких преподавателей. И хотя прибывший для разбирательства Главный Начальник военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович принял требования кадет, Шкура и еще нескольких зачинщиков «бунта» были исключены из корпуса, правда, через месяц их восстановили снова.

Строгая отповедь отца отрезвила кадета, вернувшегося домой с повинной. Молодое «увлечение революцией» быстро прошло, и теперь его гораздо больше привлекало успешное продвижение по служебной лестнице. Успешно окончив кадетский корпус, Шкура поступил в Николаевское кавалерийское училище, в казачью сотню. Интересный факт – тактику в училище ему преподавал будущий Донской Атаман А. П. Богаевский.

Кадетское воспитание не прошло даром. Юнкер Шкура учился хорошо, увлекался верховой ездой, джигитовкой. Но характер не давал покоя. И даже будучи произведенным в портупей-юнкера, он очень скоро был разжалован за участие в юнкерской пирушке. В мае 1907 года Шкура окончил «Гвардейскую Школу» и на плацу в Петергофе из рук самого Императора получил приказ о производстве в офицеры.

После шумного торжества в петербургских ресторанах молодой хорунжий отправился хоть и не в Гвардию, но в не менее славный 1-й Уманский бригадира Головатого полк, ведущий свою историю еще с 1788 года, от переселенных на Кубань Екатериной II запорожских казаков. Вернувшись в родную станицу, Шкура получил полную экипировку от отца, а также двух прекрасных коней и денежную помощь – 200 рублей на месяц.

Полк, дислоцировавшийся в Закавказье, в крепости Карс, в свое время участвовал и в Кавказской войне, и в Русско-Турецкой и Русско-Японской войнах. Офицерство жило дружно, полковые традиции боевого товарищества свято соблюдались. Командир требовал от офицеров постоянной боевой готовности, упражнений в джигитовке, полевой практики. Полк стоял на границе с Персией, и казакам часто приходилось делать вылазки против племен шахсеванов, грабивших караваны и часто нарушавших границу. Во время одной из таких экспедиций Шкура заслужил свой первый боевой орден Святого Станислава III-й степени. Знакомство с кавказским театром военных действий стало полезным для Шкуры, когда в 1917 году ему пришлось воевать здесь на этот раз уже против нанятых немцами местных партизан.

В Персии Шкура пробыл до поздней весны 1908 года, когда состоялся приказ о его переводе в 1-й Екатеринодарский полк, в котором в свое время служил его отец, – полк, также ведущий старшинство с 1788 года. В Екатеринодаре, столице Кубанского Войска, шла светская жизнь, требовавшая больших расходов, участия в постоянных балах, приемах и развлечениях. «Безобразный период», как называл его сам Шкура, к счастью, скоро закончился, и он обвенчался с Татьяной Сергеевной Потаповой, знакомой ему еще с детства дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии.

Замечательное свадебное путешествие по Европе, кстати, традиционное для российской интеллигенции начала XX века, омрачилось лишь небольшим инцидентом – пожаром на Всемирной выставке 1910 года в Брюсселе, в тщетных попытках тушения которого Шкура принимал самое деятельное участие. Из знакомства с Европой Шкура вынес и практическое знание. Находясь в Германии, он пытался изучить дело изготовления пустотелых кирпичей, чтобы наладить их производство по возвращении на Кубань, но из-за отсутствия коммерческого опыта дело быстро пришло в упадок.

Наступил 1913 год – год расцвета экономики России, год небывалых урожаев на сытой, зажиточной Кубани. И в этот год для Шкуры, по существу, закончилась военная служба. Его перевели во второочередной полк, разворачиваемый в боевой только в случае объявления мобилизации. В тихой, размеренной «буржуазной» жизни проходили дни и месяцы.

И снова проявился беспокойный характер молодого офицера. Желание перемен, стремление к новому, малоизвестному, к риску противоречили мирной, богатой, но... скучной жизни. Шкура решил отправиться в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом Его Величества организовывалась экспедиция по поиску золотоносных месторождений. В Чите, куда выехал Шкура, готовилась военная часть экспедиции. Однако дожидаться похода на поиски золота ему не пришлось. Летом 1914 года он получил известие о начавшейся мобилизации в связи с австро-сербским конфликтом. Россия стояла на пороге Первой мировой войны. Бросив все, Шкура вернулся на Кубань.

* * *

Итак, началась война и с ней – следующая страница биографии будущего Белого генерала. Увы, приехав в Екатеринодар, Шкура уже не застал своего полка, в спешном порядке отправленного на фронт. Пришлось довольствоваться поступлением в ряды 3-го Хоперского, третьеоочередного полка, укомплектованного призванными запасными. Полк входил в состав III-го Кавказского армейского корпуса, вместе с которым Шкура и выступил на фронт.

Участвуя в первых конных боях с венгерской кавалерией в Галиции, Шкура получил орден Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость», а за бои под Радомом в начале ноября 1914 года – Георгиевское Оружие. Был ранен в ногу, контужен и, по представлению командира полка, откомандирован в тыл, в город Луцк. Здесь, принимая новые пополнения с Кубани, Шкура пробыл до весны 1915 года. Возвратившись на фронт, он застал начавшееся отступление и в июле, в одном из арьергардных боев, прикрывая отступление пехоты, был снова ранен, на этот раз серьезно – в живот. Спас его серебряный кинжал. Его эвакуировали в город Холм, а затем домой, в Екатеринодар. За этот бой Шкура был произведен в чин подъесаула.

Вынужденная екатеринодарская бездеятельность тяготила Шкуру. Он решил приступить к совершенно новому для себя делу – организации партизанских отрядов. Традиции партизанского движения, восходящие к славным временам Отечественной войны 1812 года и почти забытые к началу XX века, возродились в годы Первой мировой и особенно – Гражданской войн.

Следует отметить, что организация партизанского движения не является оригинальным изобретением будущего Белого партизана. Российский Генеральный Штаб незадолго до 1914 года разрабатывал планы возможных диверсионных операций в тылу врага. Считалось наиболее перспективным исполь-

«В атаку». Рисунок Н. Самокиша

зовать для этого небольшие подвижные группы, казачьи отряды, которые могли производить разведку, разрушать коммуникации, захватывать пленных и т. д. Однако, по мнению военного министра генерала В. А. Сухомлинова, «партизанство» дискредитировало регулярную армию, давало повод думать о возможном отступлении, тогда как утверждалось, что предстоящая война с Германией будет скоротечной и наступательной. Поэтому незадолго до войны по его указанию все базы для возможного формирования партизанских отрядов были уничтожены. Несмотря на это, партизанское движение возродилось, но уже не в тиши чиновничьих кабинетов, а в кровавой стихии Второй Отечественной войны.

Летом 1915 года после прорыва австро-немецких войск в Галиции и летнего отступления Русской Армии из Польши, Литвы и Западной Белоруссии фронт стабилизировался и началась «позиционная война», в которой нельзя было рассчитывать на возможность активного боевого маневра. Упала и роль кавалерии. Конные полки спешивались, солдаты и офицеры-кавалеристы

вместе с пехотой занимали окопы. В этих условиях снова заговорили об организации мобильных партизанских групп для операций в ближайшем тылу противника.

В своих «Записках белого партизана» Андрей Григорьевич писал: «В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея формирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая и болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий, – все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе...» В представленном рапорте на имя своего командира полка полковника Труфанова он предлагал: «...Каждый полк дивизии отправляет из своего состава 30–40 храбрейших и опытных казаков, из которых организуется дивизионная партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, уничтожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь с нашим командованием...»

Проект молодого офицера отправили «по инстанциям» – сначала на рассмотрение командиру III-го Кавказского армейского корпуса генералу Ирманову, а затем – Великому Князю Борису Владимировичу, Походному Атаману Казачьих Войск. Рапорт поддержал начальник Штаба Походного Атамана, полковник А. П. Богаевский, будущий генерал и Атаман Всевеликого Войска Донского. Великий Князь направил молодого офицера к Верховному Главнокомандующему – Императору Николаю II. В Ставке Верховного на рапорте об организации партизанского отряда было «начертано»: «Быть по сему».

Партизанский отряд формировался в течение декабря 1915 – января 1916 года и получил название «Кубанский конный отряд особого назначения». В его состав вошло 600 казаков и добровольцев – кавалерийских офицеров и солдат, в большинстве своем из 3-го Хоперского полка. В качестве боевого символа отряд принял значок, который придумал сам Шкура: на черном поле вышитая серебром оскаленная волчья голова. Позднее, в 1919 году, на знамени добавилась надпись «Вперед, за Единую, Великую Россию», а к навершию древка и к двум концам флажка прикрепили волчьи хвосты. Волчьи хвосты партизаны пришивали также к концу башлыка и к тыльной стороне папахи из волчьего меха. Стремление к сходству с волчьей стаей доходило до того, что в качестве условного сигнала казаки-разведчики выбрали волчий вой. «Наш Батько Шкуро – он сам как волк, всегда появится там, где его не ждут, нападет, наскочит, насмерть зарежет и его уже след простыл...» – так позднее в бесхитростном интервью одной из белых кубанских газет оценивал казак действия своего командира.

В конце января 1916 года партизанский отряд выступил на фронт. В первых же операциях на реке Шаре был достигнут успех, разгромлен штаб австрийского полка. В партизанские набеги выходили каждые двое суток, по ночам – вместе с подразделениями пеших разведчиков. Партизаны брали «языков», перерезали тыловые коммуникации. Большая часть времени уходила на разведывательно-диверсионную работу, а «организации партизанской деятельности в неприятельских тылах» так и не удалось добиться, по оценке Шкуры – «вследствие пассивности и запуганности населения». В марте

1916 года отряд предпринял более глубокий рейд – на 35 верст за линию фронта, – в ходе которого был разгромлен штаб германской дивизии, а ее командир взят в плен. Немецкое командование обещало за поимку лихого партизана награду в 60 тысяч рублей. Но с перенесением боевых операций в район Барановичи – Молодечно перспективы партизанской войны существенно уменьшились.

Ее опыт был использован в годы Гражданской войны с гораздо большей эффективностью, ведь в этой войне практически полностью отсутствовали какие-либо предписания или регламентации. Во время своих первых партизанских операций Шкура познакомился со многими будущими соратниками по Белой борьбе на Юге России, в частности, с полковником Генерального Штаба И. П. Романовским, тогдашним командиром 206-го пехотного полка (впоследствии – начальник Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России), генералом А. К. Келчевским, начальником Штаба IX-й армии (будущий начальник Штаба Донской Армии), полковником П. Н. Врангелем, в то время командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Кстати, Врангель в своих «Записках» представил Шкуру атаманом «казачьей вольницы», разгульной, недисциплинированной, неспособной к серьезным боевым операциям: «...Полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе “партизанского отряда”. Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе 18-го корпуса... большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван...»

С лета 1916 года «Кубанский конный отряд особого назначения» был перебросен на Юго-Западный фронт, где вошел в состав III-го конного корпуса генерала графа Ф. А. Келлера. Здесь к нему присоединили еще несколько партизанских отрядов. Вскоре конная группа Шкуры совершила 70-верстный рейд по тылам австро-венгерской армии, ставший одним из немногих примеров глубокого конного рейда в годы Первой мировой войны.

В рядах III-го корпуса Шкура встретил Февраль 1917 года. Именно граф Келлер оказался фактически единственным из армейских начальников, который не только отказался признать сам факт отречения от Престола Императора Николая II, но и открыто заявил о готовности предоставить свои части на борьбу с «бунтовщиками». Не получив поддержки со стороны высшего генералитета, Келлер вышел в отставку.

Под влиянием февральских «демократических» законов 1917 года и особенно печально известного Приказа № 1 началось разложение и кавалерийских частей, хотя здесь кадры старых солдат и офицеров сохранились лучше, чем в пехоте. Чтобы спасти свой отряд от «революционной заразы», Шкура решил продолжить партизанские операции на Кавказском фронте. В начале мая 1917 года отряд прибыл на Кубань, и после двухнедельного отпуска большая часть партизан отправилась через Баку в Энзели. По всему пути следования отряду приходилось проходить «сквозь строй» враждебных «революционных солдат» и матросов Каспийской флотилии. Подчеркнутая отчужденность «шкуринцев» от «демократических свобод» не могла не вызвать озлобления.

По прибытии в персидский город Хамадан отряд представился генералу А. А. Павлову, командиру Русского экспедиционного корпуса, будущему премнику генерала К. К. Мамантова на посту командующего 4-м Донским корпусом в 1920 году, и вскоре был отправлен на фронт вместе с партизанским отрядом войскового старшины Л. Ф. Бичерахова (в 1918 году сражавшегося с большевиками в Дагестане и на Тереке).

Русские войска предпринимали вылазки в тыл туркам, взаимодействовали с английским экспедиционным корпусом в Месопотамии. Шкура продолжал свои партизанские операции. Здесь ему пришлось столкнуться с немецким партизаном полковником Нидермайером. На средства германского Генштаба в Турецкой Армении и Курдистане, оккупированных русскими, из местных племен им формировались партизанские отряды. Курды нападали на русские обозы, блокировали подвоз продовольствия и оружия к линии фронта, постоянно обстреливали фланги русских позиций в горах, «охотились» за казаками-партизанами. В августе 1917 года Шкура вел бои в районе Гаранского перевала, совершая рейды в лежащую за ним Мерванскую долину. За действия на Кавказе он был произведен в полковники и назначен командиром 2-го Линейного полка Кубанского Казачьего Войска, оставаясь одновременно и командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Георгиевская Дума Кавказского фронта присудила ему орден Святого Георгия IV-й степени, но, поскольку, как считал сам Шкура, это решение не было санкционировано, носить его он не имел права. А партизаны, пользуясь новыми, учрежденными Временным Правительством правилами, присудили своему командиру солдатские Георгиевские Кресты IV-й и III-й степеней.

К осени 1917 года серьезные боевые операции прекратились и на Кавказе. Началась уже знакомая по 1915–1916 годам «позиционная война»: казаки «укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпровождение набегам на курдских ханов, грабивших наши транспорты», – рассказывал впоследствии генерал.

Ему недолго пришлось находиться на новой должности командира полка. Началось разложение и казачьих частей. Сведения об Октябрьском перевороте дошли до, казалось бы, совершенно отрезанного от России уголка Кавказского фронта. В конце 1917 года пришел приказ о демобилизации. Эшелоны тысячами увозили в тыл остатки некогда славных полков. Большая часть этих солдат составила позднее основу советских XI-й и XII-й армий.

Затаенная неприязнь к казакам – «царским опричникам» – прорывалась теперь стихийными митингами, расстрелами и солдатскими самосудами. И в морозную ночь 26 декабря 1917 года, когда Шкура по обычаю вместе с другими офицерами поздравлял своих казаков с праздником Рождества Христова, на него было совершено внезапное покушение. Несколько пуль принял на себя полковник, и лишь благодаря серебряным газырям черкески он спасся от смертельного ранения в сердце. Тяжесть ранения была велика, но молодой здоровый организм выдержал это испытание.

В начале 1918 года партизанский отряд был расформирован. Часть «волков» осталась в составе Собственной Его Величества Шаха казачьей дивизии (там были русские инструкторы), но большинство, покинув Персию, «походным порядком» двинулось на Кубань. Так закончилась Первая мировая война, а в России тем временем началась война Гражданская. Казаки уже знали о знаменитом Ледяном походе Добровольческой Армии, гибели ее Главноко-

мандующего генерала Л. Г. Корнилова во время неудачного штурма Екатеринодара и о том, что надежд на сопротивление большевикам почти не осталось. Полковник Шкура был объявлен «злейшим врагом советской власти», которого при первой же возможности следовало поймать и предать «народному суду». Ему пришлось переодеться солдатом, выкрасить волосы и по фальшивому паспорту выехать в Порт-Петровск, бывший тогда столицей одной из многочисленных республик, образовавшихся после распада единого Российского Государства.

Около 80 партизан шли вместе со своим командиром, но в районе Минеральных Вод путь им преградили отступавшие с фронта распропагандированные большевиками части бывшей Кавказской Армии. От казаков потребовали сдать оружие и выдать своих офицеров. Не желая бессмысленного боя, Шкура приказал отряду разоружиться и разойтись. Самому ему все же удалось избежать ареста, и по подложным документам он несколько недель жил в Кисловодске. Здесь же была и его семья.

* * *

Несмотря на то, что Кубань и Терек формально признали Советскую власть, а казакам пришлось сменить традиционные кубанки на солдатские фуражки и осваивать непривычное обращение «товарищ», настроения в станицах становились все более антисоветскими. Казаки тяготились чуждой, непонятной для них «рабоче-крестьянской властью». Встречаясь со многими своими однополчанами, авторитетными казаками, Шкура убеждался в возможности организации антибольшевицкого сопротивления в Кубанской Области. Нужно было искать и объединять кадры будущих бойцов, готовить подпольные склады оружия и, главное, изыскивать денежные средства. А поскольку и сам Шкура, и многие его казаки проживали в Баталпашинском отделе, то именно здесь, в юго-восточной части Области, и было решено начать формирование повстанческих отрядов.

Неожиданно судьба полковника сделала странный зигзаг, который едва не привел его на службу к большевикам и при определенных обстоятельствах мог бы, пожалуй, даже примирить с Советской властью. Находясь в Кисловодске, он случайно на базаре повстречал своего бывшего фельдшера Гуменного, который и привел его прямо в Штаб Главнокомандующего Кубанской Советской Республики, бывшего офицера А. И. Автономова. Тот еще в апреле 1918 года руководил обороной Екатеринодара от подошедшей Добровольческой Армии, а затем сделался, как тогда говорили, «красным наместником Кавказа». Заняв столь высокий пост, он взялся за организацию совершенно новой армии, построенной на началах сотрудничества с бывшими офицерами и генералами. Автономовым широко пропагандировалась идея борьбы не против красных или белых, а против немецких и турецких оккупантов, отряды которых, в соответствии с подписанным большевиками Брест-Литовским мирным договором, заняли Дон, Украину и уже продвигались к границам Кубани. Показателен и тот факт, что Автономов не исключал возможности объединения с Добровольческой Армией на общей патриотической позиции. Им велись переговоры и с известными генералами Н. В. Ружским и Р. Д. Радко-Дмитриевым с целью использования их авторитета для привлечения в ряды армии всех колеблющихся.

Как бы ни относиться к вынужденному союзу с кубанскими большевиками, но благодаря ему привлеченный к их военному строительству Шкура по-

лучил мандат на формирование казачьих полков, а также возможность беспрепятственно разъезжать по станицам и агитировать казаков за вступление в ряды создаваемой красной кубанской армии. А в случае необходимости всегда легко можно было заставить казаков повернуть оружие против большевиков...

Однако сведения о своеволье Автономова очень скоро дошли до высшего большевицкого руководства. Он был вызван для «объяснений» в Москву, а на III-м съезде Советов Кубанской и Черноморской Республик его лишили всех занимаемых должностей. Лишь благодаря личному заступничеству Г. К. Орджоникидзе Автономов смог вернуться на Кавказ, чтобы «искупить свою политическую недалекость» и воевать против белых, но теперь уже в скромной должности командира бронепоезда. Он умер от тифа в январе 1919 года.

Стоило Автономову покинуть Кавказ, как по обвинению в подготовке «контрреволюционного заговора» чекистами был арестован и Шкура. Переведенного во Владикавказскую тюрьму полковника спасло чудо, когда его, перепутав по фамилии с большевиком-матросом, выпустил из тюрьмы один из красных военачальников Беленкевич.

Итак, «степной волк» снова на свободе. Теперь уже не было смысла отказываться от первоначального намерения организации повстанческих отрядов, и подготовка к восстанию пошла полным ходом. Коренным образом изменилась ситуация и на всем Северном Кавказе. Терские казаки, первоначально также не отрицавшие возможности признания Советской власти, были возмущены несправедливостью при разрешении земельного вопроса. Чеченцам и ингушам безвозмездно, под лозунгом «восстановления исторической справедливости», передавались завоеванные кровью казачьи земли, а самих казаков насильно переселяли в Ставропольскую губернию. Таким образом, и Кубанцы, и Терцы были готовы начать борьбу с большевиками при первой же благоприятной возможности.

Бежав из тюрьмы в мае 1918 года, Шкура, опираясь на заранее подготовленные офицерские и казачьи ячейки, сумел быстро сформировать несколько партизанских отрядов, закупить оружие и подготовиться к выступлению. Глухая, окруженная страшными легендами «Волчья поляна» среди гор, в лесу под станицей Бекешевской стала местом сбора повстанцев. Здесь, стоя под своим черным «волчьим» значком, ночью 25 мая 1918 года Шкура зачитал «приказ № 1», которым принимал на себя командование отрядом, состоявшим всего из двух штаб- и пяти обер-офицеров и шести казаков и имевшим на вооружении 4 винтовки, 2 револьвера и 2 бинокля. Правда, через несколько дней арсенал пополнился 200 пиками, 80 шашками и 80 кинжалами. Так началась партизанская война на Кубани...

Вскоре численность отряда выросла до 40 бойцов. Офицеры и казаки призывали к выступлению окрестные станицы: Усть-Джмуринскую, Воровсколесскую, Баталпашинскую, Бекешевскую, Боргустанскую. В Кумско-Лоовском ауле повстанцев поддержали черкесы. Любыми способами, даже покупкой у красных, доставалось оружие. С большим риском Шкура и его начальник Штаба полковник Я. А. Слащов выступали на станичных сходах, призывая казаков к решительному выступлению против Советов.

О полковнике-партизане стали ходить настоящие легенды. Местный юродивый Георгий ходил по станицам, предрекая скорое появление неуязвимого «воина Андрея», который освободит всю Кубань. Июньскими ночами «волки-

партизаны» собирались на сходы, обсуждая новые набег. При появлении «шкуринцев» в Суворовской 10 июня 1918 года в одночасье поднялась вся станица. Из добровольцев и четырех мобилизованных возрастов казаков быстро сформировали три конные и две пластунские сотни. Возглавил Суворовский отряд есаул Русанов, прошедший позднее с генералом весь его боевой путь. Станичный арсенал передал в распоряжение отряда 800 винтовок и 15 000 патронов. В Воровсколесскую станицу Шкура также вошел без боя, приняв парад выстроенных на станичной площади казаков. Когда не хватало патронов, повстанцы шли врукопашную, пуская в ход шашки и кинжалы. Центрами сопротивления стали станицы Боргустанская и Бекешевская. Сюда на встречу с казаками приходили делегаты от крестьян Ставропольской губернии.

Восстание, поднятое Шкурой в Баталпашинском отделе, совпало по времени с началом наступления на Кубань Добровольческой Армии – с началом Второго Кубанского похода. Теперь красному Главнокомандующему И. Л. Сорокину приходилось считаться с тем, что у него в тылу разгоралось пламя партизанской борьбы, и перебрасывать на борьбу с повстанцами части с фронта. Вскоре повстанцам пришлось сражаться не только с красными гарнизонами, но и с многочисленными и хорошо вооруженными артиллерией и пулеметами частями.

Тактика действий шкуринских партизан была простой. Благодаря хорошо налаженной разведке и знанию Баталпашинского отдела они без особого труда занимали станицы. Там восстанавливалось станичное правление, ряды отряда пополнялись за счет добровольцев и мобилизованных новобранцев, и столь же быстро “шкуринцы” уходили, опасаясь серьезных боев. После оставления станиц двигавшиеся следом советские карательные отряды жестоко расправлялись с казаками... По распоряжению Кисловодской ЧК жену полковника взяли в заложницы, а самому ему предложили сдать. В ответ Шкура заявил: «Если большевики убьют мою жену, то клянусь, что вырежу в свою очередь все семьи комиссаров, которые мне попадутся в руки. Относительно же моей сдачи передайте им, что тысячи казаков доверили мне свои жизни и я не брошу их и оружия не положу...» Решительность партизана, очевидно, отрезвила кисловодских комиссаров.

Постепенно становилось ясным, что крупного боя с красными избежать не удастся. Как писал впоследствии генерал, «необходимо было увеличивать отряд и мобилизовать возможно большие силы в ожидании первого боя, результат которого должен был произвести громадное впечатление на психологию казачества...» И этот бой состоялся 12 июня 1918 года на подступах к станице Бекешевской. Для ее обороны Шкура мобилизовал все население: «...Бок о бок стояли древние старики, вооруженные кремневыми ружьями, с которыми их отцы и деды завоевали Кубань у горцев и татар, а рядом – ребята и бабы с рогатинами. С тяжелым сознанием ответственности смотрел я на этих людей, доверившихся мне и поставивших теперь все на карту. Глазами, полными веры, глядели они теперь на меня. Я дал себе слово погибнуть в случае неудачи, чтобы не видеть гибели этих славных поборников свободы казачества...» Бой был скоротечным и жестоким. Наступавшая красная пехота, несмотря на длительную артподготовку, не смогла противостоять бурному натиску перешедших в контратаку партизан. Победа была полной. Узнав о ней, к отряду присоединилось еще несколько сот казаков-добровольцев, а для того, чтобы вооружить внезапно выросший в численности отряд, было принято решение о нападении на Кисловодск, где размещались богатые склады вооружения.

Бронепоезд «Генерал Шкура», 1919 год

Что же касается лозунгов, под которыми казаки шли воевать, и политического содержания программы, то они были до крайности простыми и укладывались в два предложения: «Долой Советскую власть» и «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание». Не составляло большого труда доказать казакам всю порочность власти большевиков, которая не только грозила им постоянными земельными переделами, не только лишала их традиционных прав и привилегий, но и просто грабила и убивала всех несогласных.

В ночь на 13 июня Шкура тремя колоннами повел свой отряд на Кисловодск. В результате дерзкого набега был разгромлен красноармейский гарнизон города, а от расстрела местной ЧК спасли несколько сот заложников. Правда, жены полковника среди них не оказалось. Ей уже удалось бежать из тюрьмы при помощи штаб-ротмистра Борукаева, и до конца сентября она скрывалась в аулах около Нальчика. Пополнив запасы оружия, захватив продовольствие и мануфактуру, Шкура вечером оставил город.

Основные операции продолжались в треугольнике Бекешевская, Боргустанская, Суворовская. Силы отряда росли, не проходило дня, чтобы к восставшим не присоединялись все новые и новые десятки добровольцев. Вскоре из черкесов был сформирован особый конный горский дивизион. Значение своих побед сам Шкура видел в том, что, несмотря на малочисленность и отсутствие вооружения, казаки «били красную армию, страшную только для беззащитных». К концу июня 1918 года отряд вырос уже в целую дивизию трехполкового состава с трехбатальонной пластунской бригадой. По имени старых казачьих полков, укомплектованных жителями этой местности, полки конной дивизии получили названия 1-го и 2-го Хоперских (кубанских) и 1-го Волгского (терского). Пешие батальоны получили наименования 6-го и 12-го Кубанских пластунских и 1-го Терского. Позднее на основе этих подраз-

делений были сформированы знаменитые дивизии 3-го конного «шкуринского» корпуса, командовали которыми его соратники-партизаны. Вместе с ними генерал прошел по дорогам Гражданской войны от Кисловодска до Воронежа.

Слухи о «волках-шкураках» быстро разлетелись по Кубани. Против большевиков поднимались соседние отделы Кубанского Войска. Восстали казаки Лабинского отдела. Одним из центров повстанцев-лабинцев стала станица Прочноокопская, восставшая против большевиков 28 раз.

В июле со шкуринцами объединились отряды лабинцев – около 5 тысяч бойцов (1-й Лабинский, 1-й Хоперский полки и два пластунских батальона). С получением этих подкреплений Шкура произвел очередные переформирования, образовав 1-ю казачью дивизию из четырех полков – 1-го и 2-го Хоперских, 1-го Лабинского и 1-го Волгского Терского Казачьего Войска. Начальником дивизии был назначен подъяесаул Солоцкий (Солодько), один из вождей лабинских повстанцев. Но вместе со строевыми казаками он привел и огромное количество беженцев и обоз почти в 2000 подвод.

Обстановка на фронте продолжала оставаться напряженной. На Баталпашинский отдел надвигались красные отряды под командованием бывшего прапорщика Я. Балахонова. Из Армавира выступила целая стрелковая дивизия красных. А тем временем Добровольческая Армия уже вступила в решающее сражение за овладение узловой станцией Тихорецкая, с захватом которой белые разбивали центр позиции армии Сорокина и могли держать под ударом Екатеринодарское и Ставропольское направления. Шкура должен был решать – либо оставаться в Баталпашинском отделе и продолжать руководить восставшими казаками, организуя партизанские набеги, либо пробиться на соединение с Добровольческой Армией и затем объединенными силами добить красные отряды. Шкура выбрал второй путь. На сходе казаков в Воровсколесской он сказал, что казачьим отрядам нужно еще «сколотиться и поучиться, прежде чем начинать крупные бои, ибо мы пока еще не серьезное войско, а необученный сброд». Несмотря на столь обидные заявления своего командира, большая часть повстанцев пошла за ним на соединение с Добровольцами.

К вечеру 28 июня повстанцы вышли к Ставрополю. Было уже известно, что после овладения Тихорецкой Деникин не пойдет на штурм Ставрополя, а главные силы направит на взятие Екатеринодара. Тем не менее Шкура решил с налета захватить город, «преподнеся» его Деникину. Ставрополь был взят в лучших традициях партизанской войны: красному гарнизону послали телеграмму, в которой заявлялось, что, если город не будет сдан, его обстреляют из тяжелых орудий (которых у партизан не было). Гарнизон оставил город, и 7 июля белые вошли в Ставрополь.

* * *

Накануне состоялась первая встреча Андрея Григорьевича с представителем Добровольческой Армии – командиром Кубанской конной бригады полковником П. В. Глазенапом. Сразу же выяснились политические расхождения: Шкура выступал за освобождение от Советской власти под лозунгом Учредительного Собрания, в то время как Добровольческие командиры явно этому лозунгу не сочувствовали. Были очевидны и разногласия между верхами кубанского руководства – Атаманом А. П. Филимоновым, сторонником тесного сотрудничества с Деникиным, и Кубанской Радой, немалая часть де-

путатов которой стремилась занять «самостийную» позицию, отстаивая ее по всем направлениям – начиная от создания самостоятельной армии и заканчивая признанием полного государственного суверенитета Кубанской Области. Особенно отличались этим депутаты-«черноморцы» (представители Ейского, Таманского, Екатеринодарского и Кавказского отделов Кубанского Войска). «Линейцы», а именно они входили в состав отрядов, которые привел Шкура, напротив, склонялись к союзу с Добровольческой Армией как носительницей идеи восстановления «Единой Неделимой России».

Но позиция самого Андрея Григорьевича и как «линейца», и как человека, абсолютно чуждого политических конфликтов, была прямо высказана им при первом же свидании с Командующим Добровольческой Армией. Деникину Шкура заявил, что «признает власть Добрармии и предоставляет себя в ее распоряжение».

Состоялась также его встреча с Верховным Руководителем Добровольческой Армии генералом М. В. Алексеевым, особо интересовавшимся «настроением крестьян Ставропольской губернии и Минераловодского района...» Шкура заметил, что «население почти всюду относится отрицательно к большевизму и что поднять его не трудно, но при обязательном условии демократичности лозунгов, а также законности и отсутствия покушения на имущественные интересы крестьян... необходимо избегать бессудных расстрелов и не производить безвозмездных реквизиций». Но обо всем, что касалось провозглашения демократических лозунгов (таких как «За Всероссийское Учредительное Собрание»), Алексеев предпочитал не высказываться.

Приблизительно с этого же времени происходит важная перемена в написании фамилии молодого Кубанского героя: вместо исконной «Шкура» появляется вариант, которому суждена будет громкая известность (и которым теперь будем пользоваться и мы) – *Шкуро*...

На просьбу Андрея Григорьевича о переброске части Добровольческой Армии в только что занятый Ставрополь Деникин ответил, что, к сожалению, выделить сколько-нибудь серьезные силы для этого он не сможет, ограничившись лишь передачей в распоряжение партизан бронепоезда с командой из офицеров-Кубанцев. По инициативе Шкуро в городе создавалась местная самооборона, был сформирован Ставропольский Офицерский полк. Начало функционировать самоуправление, появилась и административная власть в лице генерал-губернатора М. А. Уварова, убежденного сторонника военной диктатуры и противника самой идеи созыва Учредительного Собрания и «демократических преобразований». 26 августа Ставрополь посетил Деникин и на торжественном собрании в здании городской управы произнес речь, в которой определил политическую позицию Добровольческой Армии: «Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения; она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации; тогда она не была бы Русской Государственной Армией. Отсюда – неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми, но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее...»

В этой ситуации демонстративные заявления Шкуро о борьбе «за освобождение от большевистского засилья, за землю, волю и Учредительное Собрание» встретили серьезное противодействие со стороны ставропольского гене-

рал-губернатора. Не желая развития штабных интриг, Шкуро сдал командование дивизией генералу С. Г. Улагаю, а сам приступил к формированию отдельной Кубанской партизанской бригады. Тем самым Шкуро подчеркивал, что в своей последующей военной карьере он будет опираться исключительно на свое партизанское прошлое.

Показательна в этом отношении эволюция самого термина «партизаны», «партизанское движение» в годы Гражданской войны. Если на Дону партизанские отряды формировались преимущественно из среды добровольцев – казачьей молодежи под руководством столь же молодых офицеров (достаточно вспомнить есаула В. М. Чернецова), то на Кубани кадры шкуринских партизанских отрядов состояли из опытных, испытанных казаков, имевших боевой опыт еще с 1914 года, а то и со времен Русско-Японской войны. Этот социальный состав гораздо больше соответствовал пониманию «партизанского движения» как широкого народного сопротивления Советской власти. Хотя, конечно, в состав отрядов входило немало и «лихого», «анархического» элемента, всегда многочисленного в годы Смуты: такой уж была Гражданская война – война без правил, при которой не приходилось считаться с устоявшимися шаблонами и уставами.

Интересны оценки, которые давали партизанам сами деятели Белого движения. Донской Атаман генерал П. Н. Краснов так описал свое впечатление от встречи со Шкуро, в начале декабря приехавшим в Ростов-на-Дону в качестве делегата от Кубанского Войска: «...Кумиром кубанцев был генерал Шкуро. Молодой еще человек, он в Русско-германскую войну командовал партизанским отрядом при 3-м кавалерийском корпусе. Как и все партизаны в эту войну, он ничем особенно не отличался. Во время войны с большевиками он выдвинулся быстрым освобождением и такою же быстрою сдачею Кисловодска. Шкуро нравился кубанцам. Он отвечал и духу Добровольческой Армии – духу партизанскому...»

Далеко не лестные отзывы получали действия Шкуро у сторонников уставной дисциплины. По рассказу генерала Врангеля, «в волчьих папах, с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собой не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими “волками” неся по улицам города (Екатеринодара. – В. Ц.) с песнями, гиком и выстрелами». В Ставку Деникина Врангель неоднократно отправлял доклады о «разлагающем» поведении партизан, их «распущенности» и «недисциплинированности».

И уж совсем негативно оценивались действия Шкуро в советской литературе – достаточно вспомнить хотя бы роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Под пером «красного графа» (как называли его в эмиграции) Шкуро стал «отчаянной жизни проходимцем и воякой, сформировавшим из всякого сброда волчью сотню».

«Партизанство» всегда противопоставлялось «регулярству». «Партизанский характер» воинских частей, при всех их недостатках, соответствовал народному характеру Гражданской войны, при котором и для рядовых бойцов, и для их командиров главным становилось не *как* воевать (по уставу или нет), а *за что* и *против кого* сражаться. И в этом отношении «партизанские» отряды зачастую играли гораздо большую роль, чем организованные по регулярным принципам полки и дивизии, которые при первом же поражении на фронте могли перейти на сторону противника или просто разбежаться.

Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро

Необходимо также помнить, что казачество далеко не всегда признавало определяемые уставом отношения командиров и подчиненных. Невысокого роста, но очень подвижный, острый на замечания и не скупившийся на похвалы Андрей Григорьевич Шкуро был для Кубанцев не «генералом» (в этот чин его произведут за подвиги по освобождению Кубани), а «батькой», авторитетным командиром, разделявшим со своими партизанами все превратности их боевой судьбы. И после горячего боя «батяко» Шкуро ничего не стоило выпить с казаками за победу и вместе с ними танцевать лезгинку.

Наверное, лучше всего о Шкуро написал в журнале «Донская Волна» Н. Николаев: «...Будут петь казаки песни когда-нибудь про лихие подвиги, про казачью хитрость, про веселую храбрость генерала Шкуро. Никто не подошел так для борьбы за “казачью волю”, как он. Кубанский казак из ст[аницы] Пашковской, он и сделавшись генералом сохранил всю казачью сноровку, те неуловимые жесты и интонации, ту манеру говорить, улыбаться, сидеть на лошади, по которым каждый кубанец признает его своим и которую подделать нельзя. Настоящий, не книжный демократизм всей натуры – живой интерес к простому казаку, его хозяйству, его горю и радостям, делает его желанным гостем в каждой хате. Он весь – живое опровержение глупой сказки о “царских погонах”. В генеральских погонах входит он в казачью хату – и его принимают не как генерала, а как друга, как своего, “нашего” Шкуро... И любопытнее всего то, что погонами Шкуро именно станичники-то и гордятся. И бекеша, и боргустанцы, и пашковцы, и баталпашинцы одно скажут: “Деникин-то, как прослышал про нашего Шкуро, так и произвел его в генералы...”»

Не стоит забывать и того обстоятельства, что своими, пусть и неорганизованными, действиями Шкуро оттягивал на себя немалую часть красных сил и фактически полностью контролировал всю юго-восточную часть Кубанской и западную часть Терской Областей, постоянно держал под ударом советские коммуникации. Его действия в Баталпашинском отделе и Минераловодском районе не позволяли большевикам получать пополнения из горных районов Кавказа, поддерживали восставших Терских казаков.

Пользуясь временным затишьем на ставропольском фронте, Шкуро решил вернуться в родной Баталпашинский отдел. Действуя решительно и внезапно, он в начале сентября почти без боя захватил центральные станицы отдела – Баталпашинскую и Беломечетинскую. В отделе стали формироваться еще два Хоперских полка, а скоро в распоряжении Шкуро была уже мощная конная группа из 11 полков (7 казачьих и 4 горских). К середине осени 1918 года партизаны контролировали весь Баталпашинский отдел, занимая почти двухсотверстный фронт.

В начале сентября в составе Кавказской казачьей дивизии полностью возродилась и знаменитая «Волчья сотня». В ней рядом сражались как бывшие

партизаны, участники Первой мировой войны, так и молодые казаки. Численность отряда составляла 250 казаков, а командиром стал ближайший соратник Шкуро есаул Георгий Иванович Колков (он погиб в августе 1920 года).

Узнав о том, что на него снова наступают красные отряды, Шкуро решил на этот раз не оставлять отдела, а попытаться соединиться с Терскими казаками, получить от них столь необходимое вооружение и ударить затем в тыл красным, сжимавшим Баталпашинский фронт от Армавира и со стороны Минеральных Вод. Вся осень 1918 года прошла на Северном Кавказе в непрерывных кровопролитных боях. Белый и красный фронты перемешивались, города и станицы по нескольку раз переходили из рук в руки. В том же Баталпашинском отделе в некоторых станицах власть менялась пять-шесть раз. Все казаки, способные носить оружие, уходили к Шкуро или Деникину. Постепенно белый фронт выдавливал красных за пределы Кубанской Области в голые степи Ставрополя и на Терек. Продолжались и казачьи восстания.

Шкуро решил опередить большевиков и, не дожидаясь, пока их части соберутся и подойдет помощь от Добровольческой Армии, самостоятельно захватить города Минераловодской группы. Первый удар был нанесен на Кисловодск. 15 сентября утром гарнизон города капитулировал. Было захвачено 3000 пленных, 2 орудия, 2500 винтовок и до 200 000 патронов, освобождено большое количество офицеров-заложников. Установилась связь с восставшими Терцами, которыми командовал полковник В. Агоев, будущий начальник Терской дивизии в корпусе Шкуро. Однако Ставка Деникина негативно отнеслась к подобного рода «самодеятельности» Шкуро, поставив ему в вину уклонение от поддержки основных сил Армии, ведущей в это время тяжелые бои под Ставрополем. Но в своих воспоминаниях Шкуро подавал это как продолжение «штабных интриг» против него или обычные фронтовые недоразумения.

Вообще при чтении мемуаров вождей Белого движения, особенно «Записок» Врангеля, создается впечатление, что оценки действий тех или иных генералов носят довольно пристрастный характер. Однако на страницах «Записок» Шкуро мы не найдем ответов на критику в его адрес Врангеля или Деникина. «Генерал-партизан» подчеркнуто лоялен по отношению к своим непосредственным начальникам и лишь в адрес генерала В. Л. Покровского делает вполне правомерные замечания, подчеркивая его жестокость по отношению к пленным и честолюбивые стремления стать Кубанским Атаманом. Пожалуй, можно с большой долей вероятности предположить, что устоявшиеся в эмигрантской литературе оценки таких генералов, как К. К. Мамантов, А. Г. Шкуро, В. З. Май-Маевский, далеко не всегда объективны, а при более внимательном анализе становится ясным, что такая критика являлась только частью, первым этапом кампании, развернутой против самого Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России и его ближайшего окружения.

...А в Кисловодске начинала налаживаться мирная жизнь. Созданная по инициативе Шкуро так называемая Финансовая комиссия выпустила в оборот особые «чеки» Кисловодского отделения Государственного Банка. Эти «деньги» (достоинством в 3, 5, 10, 25, 50, 75, 100, 200 рублей), имевшие хождение лишь на территории Минераловодского района, стали ярким примером финансового хаоса, царившего тогда в России. Тем не менее их выпуск позволил решить проблемы как с выплатой жалования, так и с производством закупок у населения товаров, необходимых для снабжения белых.

В конце сентября советская XI-я армия попыталась перейти в свое последнее контрнаступление. Красные отряды надвигались на Кисловодск со сторо-

ны Ессентуков. Не рассчитывая удержать город ввиду явного преимущества со стороны красных, Шкуро на рассвете 27 сентября начал эвакуацию Кисловодска. Город покидало почти все население. Шкуро отошел в уже знакомый район станиц Воровсколесской, Невинномысской, Боргустанской, Суворовской и Отрадной. Снова стала ощущаться острая нехватка патронов и военного снаряжения. В начале октября большевики смогли отбить у белых Ставрополь, угрожали Невинномысской и Армавиру. Для усиления отрядов Шкуро ему на помощь выступила 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского, которая привезла Шкуро долгожданные 100 000 патронов и 500 снарядов. Немалую роль сыграл и внезапный удар конной группы генерала Врангеля в центр красного фронта: он занял Иоанно-Мариинский монастырь в трех верстах от Ставрополя и вышел во фланг и тыл XI-й армии. Красные полки обратились в беспорядочное отступление на Святой Крест и Благодарное, в астраханские степи. Страшные потери несли они и от развившейся эпидемии тифа. Немало красных сдалось в плен. И накануне нового, 1919 года в боевых сводках Штаба Добровольческой Армии появились слова: «XI-я армия уничтожена». Боевые действия на Северном Кавказе, одни из самых тяжелых, кровавых для Добровольческой Армии, закончились ее полной победой.

* * *

Но с окончанием военных действий на Кубани начались не менее ожесточенные политические «баталии». Шкуро вместе с Покровским был приглашен на заседания Кубанской Рады в Екатеринодар. Генерал Покровский, вместе с которым Шкуро защищал подступы к Кисловодску, всячески подчеркивая свою лояльность к Деникину, стремился добиться своего избрания на должность Войскового Атамана, не отрицая при этом даже возможности разгона Кубанской Рады и ликвидации ее «самостийного» крыла. Шкуро, несмотря на свои заявления о категорическом несогласии с Покровским, в то же время не собирался идти на какие бы то ни было компромиссы с «самостийниками».

30 ноября 1918 года Деникин произвел Шкуро в генерал-майоры (оговорившись при этом, что тот заслуживает не производства, а разжалования за свою недисциплинированность), а Кубанская Рада наградила его орденом Спасения Кубани I-й степени.

Во второй половине декабря 1918 года Шкуро вернулся на фронт. Хотя с XI-й армией было покончено, остатки красных, поддержанные многочисленными и воинственными отрядами «большевизированных» горцев, особенно чеченцев и ингушей, объединились в рядах XII-й армии, контролируя многие города и станицы Терской Области. В конце декабря они начали наступление от Ессентуков на Кисловодск и вторглись в многострадальный Баталпашинский отдел. Шкуро пришлось поднимать свои части на защиту родных очагов. Красные снова смогли захватить Баталпашинскую и Бекешевскую. Собрав мощный кавалерийский кулак, на Рождество 1918 года Шкуро окончательно освободил Баталпашинскую, и красные, видя свое поражение, без боя оставили остальные станицы отдела.

После освобождения отдела полки Шкуро выступили в соседнюю Терскую Область, на Ессентуки. Новогоднюю ночь 1919 года шкуринские партизаны встретили в жестоким бою за город. Под Ессентуками «волки» в конном строю лихо атаковали два большевицких бронепоезда и, захватив один из них, вместе со своим «батькой» ворвались в город. Не задерживаясь в Ессентуках, Шкуро двинулся на Пятигорск. 6 января на плечах отступающих красных

1-й Волгский полк ворвался в город. Белые части быстро пополнялись. К концу января началось возрождение старых славных полков Терского Казачьего Войска. Была сформирована пластунская бригада, три полка выставили станции Сунженского отдела, жестоко пострадавшие во время правления большевиков и горцев. Отдельную бригаду составили выступившие на стороне белых кабардинцы.

После освобождения Минераловодской группы конница Шкуро в январе – феврале 1919 года вела упорные бои в Ингушетии и Чечне. При вступлении на территорию Терской Области приходилось учитывать и национальные особенности этого края. В соответствии с директивами Главного Командования в горских районах должны были проходить выборы Правителей из наиболее авторитетных лидеров местных народностей (правда, в условиях Гражданской войны не всегда удавалось их проводить). Местное самоуправление предполагалось сформировать на паритетных началах между казаками и горцами.

В конце января части Шкуро заняли центр Терской Области – Владикавказ, а пластуны генерала Геймана овладели Назранью. Остатки разбитой XII-й армии отступали по Военно-Грузинской дороге в Грузию, отходили в горы Ингушетии и Чечни. Еще месяц потребовался на освобождение Чечни, и к началу марта 1919 года горские народы признали власть генерала Деникина.

Итак, освобождение Северного Кавказа полностью завершилось. За это время произошли и другие серьезные изменения. Добровольческая Армия стала серьезным политическим фактором, с которым приходилось считаться. В результате соглашения с Доном были образованы Вооруженные Силы Юга России, установилось единое военное командование в лице генерала Деникина. А в порты Черного моря начало поступать оружие и обмундирование от союзников по Великой войне – Англии и Франции.

Но необходимо было спасать Донской фронт. Части Донской Армии, уставшие от тяжелых боев осени – зимы 1918–1919 годов, сдавались красным, заявляли о своем «нейтралитете», отступали к Ростову и Новочеркаску. Требовалось срочно удержать продвигавшихся вперед большевиков. С этой целью в Донецкий бассейн стали перебрасываться с Кавказа части и соединения Добровольческой Армии. В их число вошла и дивизия генерала Шкуро.

Проезжая на новый фронт через Ростов-на-Дону, генерал Шкуро выступил с речью, в которой «изъявлял свою радость, что казаки идут на выручку старшего брата, Седого Дона, а затем двинутся на Москву».

Дивизия сосредоточилась в районе станции Александровско-Грушевской. Связь между частями была крайне слабая, артиллерийская поддержка практически отсутствовала. Бои в Донбассе отличались особым упорством. В советских полках и дивизиях постоянно зачитывались приказы и директивы о том, что пролетариат должен вырвать у «белобандитов» донецкий уголь и кубанский хлеб, «во что бы то ни стало» покончить с «золотопогонниками» в Ростове и Новочеркаске. Весь апрель и май 1919 года шли упорные бои, во время которых впервые в истории Вооруженных Сил Юга России проявилось боевое содружество Донских казаков, Кубанцев Шкуро и Покровского, Добровольцев генерала Май-Маевского. 13 тысяч солдат и офицеров Добровольческой Армии сдерживали фронтальный натиск 30-тысячной ударной группировки красных, наступавшей с северо-запада. С запада на ростовское направление выходила не менее многочисленная повстанческая армия Н. И. Махно. На версту фронта у белых приходилось в среднем всего шесть стрелков при двух пулеметах. При подобном неравенстве сил помогал только

Волчья сотня генерала А.Г. Шкуро, Ростов на-Дону, 1919 год

активный маневр. И стойкость Добровольцев и казаков оправдала себя – красные так и не смогли прорваться к Ростову и Новочеркасску.

Не раз спасали положение белого фронта дерзкие действия Кубанцев, их обходные удары. Обширные степные просторы Юга России как нельзя лучше подходили для стремительных кавалерийских рейдов. Используя маневренные соединения из пулеметных тачанок, Шкуро рассеивал ряды красной пехоты. Во встречном бою была разбита красная кавалерийская дивизия. В результате действий казаков удалось не только ослабить давление на фронт группы Май-Маевского, но и разрушить тыловые коммуникации противника. Наконец, 5–6 мая в боях на Донецком фронте начался долгожданный перелом. На поддержку Май-Маевскому прибыли английские танки, к Добровольцам подошли подкрепления, а дивизия Шкуро, продолжая наступление, после ожесточенного боя заняла центр Донбасса – Юзовку.

Бои в Донецком бассейне принесли Шкуро повышение по службе: он был произведен в генерал-лейтенанты, а 4 мая – утвержден в должности командующего 3-м конным корпусом, составленным из 1-й Кавказской и 1-й Терской дивизий. На усиление корпуса передавались также 2-я Кубанская и 1-я Терская пластунские бригады. В середине мая Донские казаки прорвали фронт красных и стали продвигаться на Луганск. Содействуя им, корпус Шкуро вступил в бой с отрядами Махно.

Выдержав натиск красных в Донбассе, Добровольческая Армия, подобно развернувшейся пружине, начала контр-наступление на Украину. Корпус Шкуро двинулся в Северную Таврию и в трехдневном бою 23–25 мая разгромил Махно, заняв его «столицу» – село Гуляй-Поле. Натиск шкуринского корпуса был стремительным и неудержимым. После взятия Гуляй-Поля он захватил важный железнодорожный узел Синельниково, уничтожив здесь

боевую базу снабжения красного фронта. 16 июня 1919 года был занят Екатеринослав, и хотя это тоже было своеобразным «своевольством» со стороны Шкуро (взятие города специально не планировалось), Ставка согласилась на удержание Екатеринослава. Население восторженно встречало Кубанцев и Терцев. В храмах пели «Многая лета Партизану Земли Русской воину Андрею» (генералу А. Г. Шкуро).

Успех сопутствовал белым и на других участках фронта. За четыре дня до взятия Екатеринослава генерал А. П. Кутепов занял Харьков. А 17 июня пал казавшийся неприступным «Красный Верден» – Царицын. В него победно вступили полки Кавказской Армии генерала Врангеля. Теперь фронт Вооруженных Сил Юга России прочно опирался на линию Екатеринослав – Харьков – Царицын. В разведывательное отделение Штаба Добровольческой Армии постоянно поступали донесения о почти поголовном недовольстве Советской властью в Центральной России. В Ставке Главнокомандующего казалось, что уже были налицо все условия для дальнейшего победоносного наступления – «Похода на Москву». И 20 июня 1919 года во время парада в Царицыне генерал Деникин объявил так называемую «Московскую Директиву».

Проходя по Украине, шкуринские казаки стали свидетелями всех язв тыловой жизни – незаконных реквизиций, еврейских погромов, спекуляции, отсутствия власти. Эти «черные страницы» Белого движения, как назвали их позднее, в эмиграции, вызывали у Шкуро большое возмущение. В своих мемуарах он писал, что очень многие из подобного рода грабежей и насилий инсценировались специально подготовленными провокаторами из числа оставшихся в тылу белых большевистских и петлюровских агентов. Они надевали казачью и офицерскую форму, погоны, и проводили незаконные обыски и реквизиции с тем, чтобы у населения создавалось негативное отношение к белым. Данный способ чекистской провокации использовался весьма активно и позднее, причем красные подпольщики в своих воспоминаниях относили его к одному из самых надежных в борьбе с белогвардейцами.

Уставший от боев и постоянного нервного напряжения Шкуро вскоре получил отпуск и отправился в ставшие уже родными станицы Баталпашинского отдела. Там его встречали с большим подъемом. Выступая на сходах, генерал призывал верить в силу и мощь Белых Армий, говорил о неизбежности скорого окончания войны и победы над большевиками. Почти все станицы отдела произвели его в почетные казаки, местные поэты преподносили ему свои стихи. В каждой станице Шкуро проводил смотры, награждал Георгиевскими Крестами и медалями. Нуждающимся выдавались небольшие субсидии из средств, собранных для самого Шкуро во время занятия им городов Юга России. Пожертвования выдавались и на восстановление разрушенных станичных храмов, школ, больниц. Имя лихого генерала получало все большую и большую популярность, наряду с именами генералов Мамантова, Кутепова, не говоря уже о Деникине и Врангеле, становясь своеобразным символом «похода на Москву» летом – осенью 1919 года. В Ростове-на-Дону вышло несколько брошюр, посвященных подвигам «генерала-партизана». Летом 1919 года по его инициативе при Штабе корпуса была создана киностудия. До наших дней сохранилось несколько фрагментов кинохроники, один из которых посвящен посещению Шкуро с супругой госпиталя, где находились раненные в боях его подчиненные.

Татьяна Сергеевна Шкуро вообще принимала непосредственное участие в жизни корпуса. На страницах белых газет нередко встречались объявления о

сборе пожертвований для казаков 1-й Кавказской дивизии за ее подписью, занималась она и благотворительной деятельностью. Ею лично был вышит стяг для бронепоезда «Офицер», торжественно врученный команде бронепоезда 21 июля 1919 года.

В середине июля корпус Шкуро был переброшен на главное, московское направление. Снова, как и в Донбассе, на него возлагалась задача «оказывать содействие» 1-му армейскому корпусу Кутепова, наступавшему, в соответствии с «Московской Директивой» на Харьков – Белгород – Курск – Орел – Тулу – Москву. В состав 3-го конного корпуса по-прежнему входили 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии, однако вместо пластунов пехота в его рядах была теперь представлена отдельными стрелковыми батальонами, укомплектованными бывшими пленными красноармейцами.

Необходимость переброски под Харьков корпуса Шкуро была связана также с начавшимся наступлением красной ударной группы В. А. Селивачева. 19 августа Шкуро получил директиву Деникина: «3-му конному корпусу полным напряжением сил в кратчайший срок разбить группу красных». 1-я Терская дивизия в районе города Короча нанесла поражение двум советским дивизиям и принудила их к поспешному отступлению на Новый Оскол, взяв в плен около 7000 человек. После разгрома красных совместными усилиями корпусов Кутепова и Шкуро, 3-й конный корпус вышел на Воронежское направление.

Для Шкуро, неоднократно использовавшего подобную тактику действий, была несомненной эффективностью глубокого кавалерийского рейда, – и в начале сентября 1919 года он обратился в Ставку с рапортом, в котором отмечал целесообразность проведения нового рейда в советский тыл (знаменитая операция корпуса Мамантова к этому времени уже подходила к концу). Надежды на успех Шкуро связывал с крестьянскими восстаниями, поднять которые, по его мнению, не составляло особого труда. Это позволило бы «сформировать новые полки и даже дивизии», заручиться поддержкой «населения, стонущего под советским игмом». Однако Ставка Главнокомандующего категорически запретила генералу предпринимать какие бы то ни было самостоятельные действия. А в личной беседе Шкуро даже был предупрежден, что если он в очередной раз проявит своеволие и нарушит директивы, то его обязательно предадут военно-полевому суду, даже если рейд будет успешным.

Пришлось действовать, не выходя за рамки директив, и продолжать выполнять задачу по обеспечению правого фланга Добровольческой Армии. 29 августа корпус Шкуро с налета взял Воронеж – последний пункт в его продвижении на Москву. К его задаче добавилось теперь содействие 4-му Донскому корпусу, выходившему в это время через линию фронта после рейда. Поскольку удержание города не входило в его планы, основные силы корпуса были переброшены к Коротояку, под которым 8 сентября и произошла встреча мамантовцев и шкуринцев. Во время остановки в Коротояке Шкуро, как и Мамантов, был ранен разрывом снаряда и некоторое время должен был ездить в экипаже.

После помощи мамантовскому корпусу Шкуро в боях 10–11 сентября разгромил сильную пехотную группу красных. Под комбинированными ударами 3-го и 4-го Донских корпусов и 3-го конного корпуса Шкуро VIII-я армия красных была отброшена за Дон. Теперь уже ничто не останавливало наступательного порыва на Воронеж. Город был сильно укреплен несколькими ярусами окопов с густой колючей проволокой впереди них. Подступы к Воронежу обст-

реливались перекрестным огнем четырех красных бронепоездов и тяжелой артиллерией. Тем не менее настроение обороняющегося красного гарнизона было далеко не боевым, и Шкуро 17 сентября решил предпринять общий штурм города. После небольшой артиллерийской подготовки Волчий дивизион и Горско-Моздокский полк Терского Казачьего Войска помчались в конную атаку. Не выдержав стремительного натиска, красная пехота бежала из окопов. Казачьи сотни прорвались к вокзалу и захватили его, после чего отошли и красные бронепоезда. Вскоре удалось полностью овладеть городом, и почти вся железнодорожная линия Воронеж – Лиски перешла под контроль казаков.

В Воронеже была захвачена большая добыча – около 13 000 пленных, 35 орудий и огромные склады вооружения и обмундирования. Деникин 24 сентября приветствовал занятие города телеграммой: «...Прошу передать доблестным частям ген[ерала] Мамантова и ген[ерала] Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю боевую работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железнодорожного Лискинского узла...»

Быстро восстановилось городское самоуправление. Рабочие и уцелевшие от большевицких «чисток» офицеры добровольцами записывались в ряды стрелковой бригады, которую вскоре удалось развернуть в дивизию. К началу октября казачьи разъезды контролировали уже большую часть Воронежской губернии. Перед корпусом открывался свободный путь к Москве.

* * *

Но шкуринцев постепенно стала поражать та же болезнь, которая коснулась и многих казачьих частей на фронте. После продолжавшихся почти три месяца боев многие бойцы решили, что теперь уже нет серьезных оснований бояться красных, и под самыми разными предлогами стали отпрашиваться в отпуска на Кубань и Терек. К тому же до казаков доходили невнятные слухи о конфликте Кубанской Рады с командованием Вооруженных Сил Юга России, что не способствовало популярности среди казаков идеи борьбы за Единую Россию.

В результате отпусков и самовольных отлучек, а также тяжелых потерь на фронте численность корпуса уменьшилась к началу октября 1919 года до 2500 – 3000 шашек. А в это время по всей линии фронта разворачивалось генеральное сражение. В соответствии с планами нового командующего советским Южным фронтом А. И. Егорова, наступавшая на Тулу и Москву группировка 1-го армейского корпуса генерала Кутепова должна была быть срезана у флангов общими ударами Латышской и Эстонской дивизий со стороны Брянска и свежего конного корпуса С. М. Буденного со стороны Воронежа. Перспективы «похода на Москву» ставились под вопрос. Шкуро рассказывал впоследствии: «...Становилось ясным, что ввиду ослабления численности на-

шей конницы и ожидавшегося появления кавалерии Буденного нужно было или бросаться рейдом на Москву, чтобы уже затем привести в порядок подбодренную успехом армию и доколотить затем обескураженные остатки красной армии, или же, собрав в кулак всю наличную конницу, в том числе и донскую, бросить ее на Буденного и уничтожить его, прежде чем он успеет втянуть свои неопытные части в работу и сделается опасным для нас...»

15-тысячная конная группа Буденного, состоящая из трех дивизий, вскоре появилась на фронте перед ослабленными корпусами Мамантова и Шкуро. В это же время в тылу Вооруженных Сил Юга России развернулось широкое повстанческое движение. С новой силой вспыхнула «махновщина». От Шкуро потребовали незамедлительного выделения из рядов своего корпуса 1-й Терской дивизии и ее срочной отправки на борьбу с Махно, который в это время уже стал угрожать Ставке. В сложившихся условиях Шкуро заявил о готовности оставить Воронеж, поскольку противостоять отдохнувшему, полнокровным буденновским дивизиям было невозможно.

Директивы Штаба Добровольческой Армии и Ставки Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России противоречили друг другу. Кутепов просил Шкуро ни в коем случае не оставлять Воронеж, поскольку в этом случае откроется его правый фланг и полки не смогут удержать превосходящее давление красных и отступят к Курску. Командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, напротив, требовал перевода корпуса накрытие железнодорожной станции Лиски. В этой обстановке, не желая быть заложником в «телеграммной войне» между штабами, Шкуро даже подал рапорты о своей отставке командующему Добровольческой Армией Май-Маевскому и самому Деникину, однако они были отклонены, и Шкуро получил приказ защищать Воронеж всеми наличными силами.

В это время на Кубани произошли события, существенным образом повлиявшие на дальнейший ход Белой борьбы на Юге России. Ставка, и раньше с большой долей подозрительности относившаяся к «самостийничеству» ряда депутатов Кубанской Рады, решила на серьезные шаги. Терпение Деникина переполнил факт заключения в Париже между делегацией депутатов Рады (Л. Л. Бычом, А. И. Калабуховым и др.), с одной стороны, и так называемым «Меджлисом» горских народов Кавказа – с другой, сепаратного договора. Поскольку Деникин не признавал самостоятельной Горской Республики и ее органов власти, то переговоры с врагами Белого движения, тем более – от имени якобы «независимого» Кубанского государства, считались равносильными государственной измене. Под этим предлогом, получив санкции Деникина, командующий Кавказской Армией генерал Врангель ввел в Екатеринодар верные ему войска под командованием давнего и непримиримого врага «самостийников» генерала Покровского, арестовал двенадцать депутатов Рады и казнил А. И. Калабухова. В результате этого «кубанского действия» Атаман Филимонов заявил о своей отставке, а краевая конституция была изменена в сторону усиления исполнительной власти (теперь Атаман, которым был избран генерал Н. М. Успенский, получал право роспуска Краевой Рады).

Казалось бы, «умиротворение» Кубани достигнуто. Но немалая часть казачества увидела в этом насилие над своими традиционными привилегиями, пренебрежение самостоятельностью края. Симпатии к Белому движению резко упали, и у Кубанцев появился существенный повод к оправданию своего нежелания воевать в Центральной России. Теперь вместо надежного тыла Кубань стала центром «казачьего сепаратизма».

Шкуро, получивший от Кубанского Атамана телеграмму о необходимости срочного выезда в Екатеринодар, мог бы помешать готовившемуся перевороту. Но генерал Врангель добился его задержки на фронте. В письме председателю Особого Сопещения при Главнокомандующем генералу А. С. Лукомскому Врангель писал 14 октября: «Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер (переворота на Кубани. – В. Ц.). Приезд на Кубань генерала Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию, и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте».

Шкуро помешали приехать в Екатеринодар под предлогом «военной необходимости». А скоро и действительно начались бои с буденновской конницей. С каждым днем все труднее становилось сдерживать красных, наступавших несколькими конными группировками на разных участках фронта, на ближних подступах к Воронежу. Терскую дивизию все-таки забрали в тыл против Махно. Понимая, что удержать Воронеж не удастся, Шкуро приказал начать эвакуацию всех государственных учреждений. 4 октября 1919 года громадные обозы беженцев потянулись на Нижне-Девичк, Новый Оскол и станцию Касторную. В это время Донское командование отдало приказ о переходе в общее контрнаступление против корпуса Буденного: теперь угроза его 15 тысяч шашек стала очевидной и для высшего руководства Белых Армий.

Утром 4 октября шкуринские казаки атаковали расположенный на биваке один из полков буденновской конницы, разгромили его, но с подходом основных сил красных быстро отступили. Шкуро так писал об этом: «Начался ряд боев вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность – атаковал меня одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Уступая ему охотно эти пункты, я обрушивался затем превосходными силами своего резерва на небольшие отряды и уничтожал их... Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в свои станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы, и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона, конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, натолкнувшись на сопротивление...»

Несколько недель продолжалось противоборство двух конных группировок, однако после начавшегося общего отступления Добровольческой Армии от Москвы оба казачьих корпуса – Шкуро и Мамантова – также вынуждены были отступить. Ввиду необходимости сокращения фронта Шкуро в ночь на 11 октября очистил Воронеж и отошел за Дон. В течение суток буденновцы не решались войти в город и заняли его только под вечер.

Тем не менее пребывание корпуса Шкуро в Воронеже подтвердило сведения о возможности поддержки белых со стороны крестьянства «черноземных губерний». Секретные сводки Отдела пропаганды доносили о «сочувственном отношении крестьян Воронежской губернии к белой власти... особенно со стороны середняков и зажиточных». В течение сентября – октября 1919 года приток добровольцев и мобилизованных был довольно большим, что позволило пополнить ряды стрелковой бригады 3-го корпуса и начать развертывание в Воронеже 25-го пехотного Смоленского и 16-го уланского Новоархангель-

ского полков. Из железнодорожных рабочих был сформирован отдельный добровольческий отряд в 600 человек – еще одно подтверждение того, что рабочие, вопреки заявлениям большевиков, далеко не всегда являлись опорой Советской власти. По словам Шкуро, эта часть, переименованная по просьбе самих рабочих в «Волчий ударный батальон», сражалась на фронте с большим воодушевлением: «Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в боях...»

После занятия Воронежа Буденный упорно продолжал преследование Шкуро и Мамантова. Начиная с 17 октября красная конница постоянно пыталась навязать казачьим корпусам решающий бой, имея за собой почти десятикратное численное превосходство. Шкуро и Мамантов медленно (80 верст между Воронежем и станцией Касторной прошли в три недели), переходя в постоянные контратаки, отступали к Касторной. Отход казачьих частей прикрывали огнем бронепоезда «Слава Офицера» и «Генерал Дроздовский». У Касторной решено было дать новое сражение. Фронт Добровольческой Армии к этому моменту отошел к Курску. К казакам подошли пешие части группы генерала Постовского, подвезли даже три танка, правда, они постоянно ломались.

Шкуро и Мамантову пришлось сдерживать натиск красных сил с трех сторон. Численность Кавказской дивизии сократилась до 500 шашек, что было меньше любого буденновского полка. О напряженности боев свидетельствует одно из донесений Штаба корпуса: «Нижне-Девичк занят нами. Пехота красных атакует Касторную, Алексинскую и Егорьевскую, где доходило до штыкового боя. В результате все атаки противника были отбиты. Наши части удержали прежние позиции. В бою участвовал личный конвой командующего группой...» Но и под Касторной задержать красных не удалось. Отступление продолжалось.

Настроение казачьих частей ухудшалось. Началось дезертирство. Масла в огонь подливали сведения с Кубани: «Под влиянием слухов о политической грозе, разыгравшейся на Кубани, деморализация Кавказской дивизии все усиливалась. Ежедневно поступали донесения командиров полков о том, что казаки дезертируют. Пополнения с Кубани не доходили, разбегаясь по пути, или же, пользуясь отсутствием администрации в тылу, формировались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам...»

Так закончилось для генерала Шкуро его участие в «походе на Москву». 9 ноября он, сдав командование остатками корпуса генералу В. Г. Науменко, выехал в тыл. Давали себя знать и усилившиеся боли в ноге, раненной под Коротояком. Не удалось добиться главного – ввести Кубанцев и Терцев в Первопрестольную. Но даже отступая, конные корпуса Шкуро и Мамантова смогли сорвать запланированное окружение Добровольческой Армии. Сам командующий Южным советским фронтом Егоров отмечал этот факт, главную причину неудачи усматривая в медлительности буденновской конницы: «Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамантова на запад от Дона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, все же не достиг главного: оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, но не были разбиты, чем, главным образом, и объясняется медленное продвижение вперед конного корпуса в последующие дни...»

* * *

Прибыв в Таганрог, где размещалась Ставка Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, Шкуро сделал доклад начальнику Штаба генералу И. П. Романовскому и генерал-квартирмейстеру генералу Ю. Н. Плю-

щик-Плющевскому. По мнению Андрея Григорьевича, основное внимание теперь следовало обратить на разгром конницы Буденного. На этот раз, по-видимому, под впечатлением осенних боев, Ставка согласилась с ним. Было решено приступить к формированию особой конной группы численностью около 10 000 шашек. В нее должны были войти 4-й Донской корпус генерала Мамантова, 2-й Кубанский корпус генерала Науменко и 3-й Конный корпус самого Шкуро, вновь усилившийся возвратившейся от Таганрога 1-й Терской дивизией. Тем не менее Шкуро весьма скептически оценивал дальнейшие перспективы, с полным основанием полагая, что реальная численность полков далека от расчетной (в корпусе Науменко, по его данным, вместо заявленных 4000 шашек было не более 1200). Конница устала, казаки «потеряли сердце», и рассчитывать на эффективность планируемого контрудара данной группой было более чем оптимистично. Это позднее и подтвердили события на фронте. Конная группа не смогла остановить натиск буденновских дивизий, а 29 ноября 1919 года белые оставили Харьков.

Во время своего доклада в Ставке Шкуро говорил и о необходимости поднимать «сполох» – тревогу на Кубани, что позволило бы быстро пополнить ряды поредевших казачьих полков. Нужно было «не теряя времени приступить к спешному формированию новых конных частей на северной окраине Кубани». Шкуро готов был взять на себя выполнение этой важной задачи, однако «при условии немедленного примирения Главкома с народным представительством Кубани» (имелась в виду Рада).

Пребывание в Таганроге принесло Шкуро и приятные моменты. От начальника английской военной миссии генерала Хольмана он получил орден Бани, пожалованный Королем Англии «за заслуги в борьбе с большевизмом как с мировым злом». Следует отметить, что в то время награждение английскими орденами не было редкостью на Белом Юге. Неделий раньше орденом Михаила и Георгия был награжден командующий Добровольческой Армией генерал Май-Маевский, такой же орден получил за взятие Царицына генерал Врангель. Но эти награждения, имевшие безусловно пропагандистский характер, не могли уже поднять дух отступавших Белых Армий. К тому же и Май-Маевский, и Шкуро в скором времени оказались отставленными со своих постов.

После пребывания в Таганроге Шкуро на несколько недель выехал в Кисловодск к жене и снова посетил станицы Баталпашинского отдела. В начале декабря он вернулся на фронт. О предстоящем прибытии Шкуро в свой корпус узнал и сменивший Май-Маевского на посту командующего Добровольческой Армией генерал Врангель. В это время новый командарм уже добился отставки, хотя и временной, генерала Мамантова, и появление генерала Шкуро, столь же одиозного для Врангеля, было весьма нежелательным. В резуль-

тате его прямого давления на Ставку Андрея Григорьевича не допустили выехать на фронт к своим казакам. Вот как пишет об этом в своих мемуарах сам Врангель: «Прибывший из Харькова полковник Артифексов... докладывал о возмутительном поведении “шкуринцев” – чинов частей генерала Шкуро, значительное число которых, офицеров и казаков, оказались в Харькове. Вместо того, чтобы в эти трудные дни сражаться со своими частями, они пьянствовали и безобразничали в Харькове, бросая на кутежи бешеные деньги. Сам генерал Шкуро находился на Кубани в отпуску и ожидался в армии со дня на день. Зная хорошо генерала Шкуро, я считал присутствие его в армии вредным и телеграфировал Главнокомандующему: “Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска”. На телеграмму эту ответа не последовало, хотя я тщетно в последующие дни запрашивал Ставку. Наконец, после долгих настояний, генерал Плющик-Плющевский в разговоре по аппарату с начальником моего штаба сообщил, что “мы дали совет генералу Шкуро к вам не возвращаться”. Генерал Деникин не мог решиться покарать недостойного начальника...»

Освободив Шкуро от командования конным корпусом, Ставка разрешила ему объехать кубанские станицы и поднять «сполох». Как отмечал Деникин, «популярность его среди кубанцев сохранялась, а отрицательные стороны его деятельности в глазах казачества не были одиозны». Однако вскоре в Ставку поступили сведения, что Шкуро не просто призывает к мобилизациям, но приступил к непосредственным формированиям каких-то казачьих частей. Особой телеграммой Ставка запретила Шкуро этим заниматься, и генерал в конце декабря 1919 года выехал в Екатеринодар.

По пути в столицу Кубани он встретился с Врангелем и его постоянным сотрудником и другом генералом П. Н. Шатиловым. Оба они уже оставили свои должности в Добровольческой Армии и были зачислены «в распоряжение Главнокомандующего». Здесь Шкуро стал невольным свидетелем той интриги, которая велась против верховного руководства Белых Армий со стороны политических сил, активно выдвигавших на смену Деникину генерала Врангеля. Позднее в своих «Очерках Русской Смуты» Деникин полностью воспроизвел письмо о переговорах с Врангелем и Шатиловым, которое Шкуро отправил Главнокомандующему, не желая становиться участником и заложником политических интриг. Вот некоторые отрывки из этого текста:

«...После взаимных приветствий ген[ерал] Шатилов заговорил о моих отношениях с ген[ералом] Врангелем. Сказал, что все недоразумения, которые произошли между нами, вызваны исключительно тем, что ген[ерал] Врангель был неправильно информирован о моей работе и деятельности, что теперь, ввиду тяжелого положения на фронте и общей опасности, нам всем надо объединиться для спасения общего дела... По дороге я долго беседовал с ген[ералом] Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в ген[ерале] Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие ген[ерала] Романовского на посту нач[альника] штаба даже преступным: что необходимо заставить во что бы то ни стало ген[ерала] Деникина сдать командование другому лицу, и что с этим вполне согласны, и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским атаманами, с представителями их правительств, а также с командующим Донской армией ген[ералом] Сидори-

ным и его нач[альником] штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности, и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за Терским атаманом, а тогда, в случае нашего согласия, мы должны предъявить ген[ералу] Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем.

Я ответил, что я пока не могу дать своего согласия, что это слишком рискованный шаг, который может вызвать крушение всего фронта».

Так или иначе, отказ Шкуро, а затем категорический отказ Терского Атамана генерала Г. А. Вдовенко поддержать планы Врангеля отразились на последующей карьере 32-летнего «генерала-партизана». Накануне нового, 1920 года Шкуро получил высшую должность за время всей своей службы – был назначен командующим Кубанской Армией (основой для ее формирования должны были стать полки бывшей Кавказской Армии, сильно поредевшие после осенних боев 1919 года). На назначение Шкуро также повлиял и тот факт, что для получения пополнений с Кубани был необходим призыв авторитетного военачальника, за которым пошли бы казаки.

Приказ о назначении был подписан Деникиным незадолго до сдачи Ростова и Новочеркасска – 29 декабря 1919 года. 18 января 1920 года в развитие приказа Главкома был издан приказ № 45 по Кубанскому Казачьему Войску: «На основании статей 37 и 41 основных законов Кубанского Края и по соглашению с Главнокомандующим генерал-лейтенант А. Г. Шкуро назначен Командующим Кубанской Армией».

Должность начальника Штаба Кубанской Армии получил опытный генштабист, в мировую войну – бывший генерал-квартирмейстер Штаба VIII-й армии, а в конце 1917 года – Главнокомандующий Юго-Западным фронтом, генерал Н. Н. Стогов. Будучи некоторое время начальником Всероссийского Главного Штаба у большевиков, генерал Стогов одновременно с этим активно участвовал в подпольной деятельности московского «Национального Центра», возглавляя тщательно законспирированную «Добровольческую Армию Московского района», и после разгрома «Центра» чекистами сумел скрыться и пробраться на Юг России. Генерал-квартирмейстером Штаба Кубанской Армии был назначен полковник К. Г. Булгаков.

Шкуро снова отправился поднимать станицы, взывая к патриотическому подъему кубанского казачества, публикуя гневные воззвания: «Смертельный кровавый враг наш угрожает раздавить Дон и переброситься на Кубань. Главнокомандующий даст сокрушительный отпор врагу, но для этого нужна помощь всех... Подымайся, Кубань! Бейте в колокола, и пусть мощный гул их по станицам и хуторам пробудит геройский казачий дух для решительной, несомненно победной последней схватки... Старики, покажите пример молодым – идите вперед! Трусы и дезертиры пойдут за Вами... Решается судьба русских армий. Решается судьба Казачества...» Вместе со Шкуро поднимать станицы отправились и делегаты Кубанской Рады. В приказе Войскового Атамана генерала Букретова (сменившего скончавшегося от тифа Успенского) говорилось: «Счастлив объявить Кубанскому Краю, что Кубанская армия образована и сейчас спешно пополняется конными, пластунами и иногородними. С 26 января в состав Кубанской армии включены все части упраздненной Кавказской армии и во главе Кубанской армии поставлен мною генерал-лейтенант Шкуро... Пополнения и вновь формируемые Кубанские части по-

Прорыв Красной Армии к Ростову 8 января 1920 год

степенно выступают на фронт. Приказываю всем остальным полкам, пополняющимся в Крае, выступить без задержек, для чего начальствующим лицам позаботиться о спешной подаче подвижных составов...»

Однако ожидания Шкуро относительно быстрых пополнений Кубанской Армии оправдались лишь частично. Кубанский край был истощен многочисленными мобилизациями, и рассчитывать приходилось только на молодых призывников-новобранцев. Испытанные кадры погибли в боях, а многочисленные дезертиры ни при каких обстоятельствах не собирались снова брать в руки оружие. Тем не менее к концу января удалось довести до штатной численности полки 2-го Кубанского корпуса, который предполагалось сделать ударным резервом, аналогичным 4-му Донскому корпусу. Кубанские полки получили новых лошадей, обмундирование, пополнили запасы оружия. В конце января Шкуро произвел смотр корпусу и нашел, что он «представился в блестящем боевом порядке и можно смело сказать, что он является гордостью Кубани». Корпус под началом генерала В. Г. Науменко выступил на Манычский фронт. Под личный контроль взял Шкуро организацию 3-го Кубанского корпуса, получавшего пополнения из Баталлашинского отдела.

Директивой Ставки от 26 января 1920 года генералу Шкуро предписывалось: «прочно обеспечивая Ставропольское направление, разбить 10-ю советскую армию». В развитие этой директивы Шкуро издал приказ о нанесении концентрированного удара по прорвавшейся красной коннице Буденного. Предполагалось, что 2-й Кубанский корпус очистит от красных левый берег Маныча и перейдет вместе с полками 4-го Донского корпуса в контрнаступление с глубоким охватом левого фланга красного фронта. Кубанские пластуны, сведенные в 1-й Кубанский корпус, должны были отразить атаки буденновской конницы в районе станции Великокняжеской.

Однако советская конница, прорвавшись на стыке Донской и Кубанской Армий, стала быстро продвигаться в тыл белого фронта на станцию Тихорецкую. Высланный против нее 4-й Донской корпус понес в морозных маньчских степях тяжелейшие потери обмороженными, в том числе – смертельно. Захватив Тихорецкую, Буденный направил удар на 1-й Кубанский корпус, расположенный в районе Песчанокопская – Белая Глина и совершенно неожиданно оказавшийся перед мощной группировкой из трех красных стрелковых дивизий и конными корпусами Буденного и Думенко (свыше 18 000 штыков и сабель против кубанских пластунов численностью немногим более 6000). Прикрывавшая Белую Глину Донская бригада генерала А. В. Голубинцева была отброшена, а Сводно-Гренадерская дивизия сдалась в плен. Пластуны остались одни перед ударной группой красных.

Последовал страшный разгром 1-го Кубанского корпуса. Пластунские полки, укомплектованные неопытными призывниками последних мобилизаций, рассыпались, многие сдались в плен. Прорвавшись к Белой Глине, буденновские части вышли в глубокий тыл Вооруженных Сил Юга России, отрезая от основных сил Баталпашинский отдел, Ставропольскую губернию и всю Терскую Область.

7 февраля 1920 года в Штабе Донской Армии на станции Сосыка состоялось совещание, на котором присутствовали Главнокомандующий генерал А. И. Деникин, Донской Атаман генерал А. П. Богаевский, Кубанский Атаман генерал Н. А. Букретов, командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин и генерал А. Г. Шкуро. На совещании обсуждался вопрос о возможности продолжения борьбы в Кубанской Области, обороны на линии реки Кубань – последнем рубеже, где еще можно было бы остановить продвижение красных. На этом же совещании была решена и судьба Шкуро. Становилось ясно, что, хотя Андрей Григорьевич и является наиболее приемлемой фигурой для Деникина и у него отсутствуют любые стремления к самостоятельности, он не может справиться с ответственной ролью командующего Кубанской Армией. Налицо были и оперативные просчеты Штаба Шкуро, который упустил из виду оперативную координацию действий Кубанских корпусов. Находясь на посту командующего, Шкуро большую часть времени отдавал разъездам по станциям и мобилизациям казаков.

А для «самостийников» имя Шкуро было еще более неприемлемым. Их идеологи в эмиграции писали: «Кубанские казаки хорошо понимали, что ген[ерал] Шкуро являлся апостолом деникинско-русской “правды”, которую отвергало Кубанское казачество. Пребывание ген[ерала] Шкуро на посту командующего армией ясно указывало казакам на то, что их снова хотят повести все той же дорогой на Москву. Только упрямые противники организации настоящей Кубанской армии могли одобрять пребывание ген[ерала] Шкуро на посту командующего Кубанской армией. И только после того, как большевистские армии перешли через рубеж [реки] Маньча, после того, как неумелые руководители открыли тыл 1-го Кубанского корпуса ген[ерала] Крыжановского для нападения Буденновских дивизий и этим подготовили страшный разгром корпуса, только после того, как оставшийся в одиночестве в северо-западном углу Ставропольской губернии, охватываемый противником с обоих флангов, расстроенный 2-й Кубанский корпус ген[ерала] Науменко поспешно отскочил к станице Кавказской; после того, как 4-й Кубанский корпус был тесно прижат к самому Ставрополю, а конная группа ген[ерала] Павлова 12 февраля понесла поражение под Средне-Егорлыцком, после того, как

большевистские дивизии на широком фронте вошли в пределы Кубани, ген[ерал] Деникин отстранил ген[ерала] Шкуро от должности командующего Кубанской армией».

Приказ Главнокомандующего от 14 февраля 1920 года гласил: «Назначается состоящий в резерве при Штабе Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант Улагай – командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал-лейтенант Шкуро – откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности...»

После отставки Шкуро выехал в Екатеринодар. Он еще надеялся использовать свой авторитет для того, чтобы поднять Баталпашинский и Кавказский отделы Кубанского Войска, но изменить ход войны был уже не в силах. Казаки отказывались воевать, белому фронту не удалось удержаться и на линии Кубани. Забрав из Кисловодска семью, Шкуро выехал в Новороссийск.

После того, как основная часть Кубанской Армии осталась непогруженной и не смогла эвакуироваться в Крым, Шкуро принял на себя командование группой войск сочинского направления. В нее свели остатки Донских и Кубанских частей. Здесь до середины апреля 1920 года он вместе с другими Кубанскими генералами безуспешно пытался организовать сопротивление казаков. Большая часть армии сдалась красным, и лишь немногие Кубанские части эвакуировались в Крым. Но с приходом на пост Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Врангеля Андрею Григорьевичу места в их рядах не нашлось, и он покинул Белый Крым.

* * *

Начался эмигрантский период его биографии. Содружество «волков»-партизан продолжалось и в Зарубежье. Вместе со своим командиром они составили ансамбль цирковых наездников. В 1928 году Шкуро заключил контракт о создании труппы казаков – джигитов, танцоров и песенников. Казаки, одетые в специально сшитые для них белые и алые черкески, выступали на одном из ипподромов под Парижем. В политической жизни Шкуро не принимал активного участия, хотя и состоял членом «Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека».

Вторая мировая война открыла в судьбе Шкуро последнюю страницу. Как и многие белые эмигранты, он с надеждой воспринял нападение Германии на СССР, видя в этом возможность «победы над большевизмом». И для самого Шкуро, и для его казаков война против Советского Союза была продолжением войны Гражданской.

Шкуро принял участие в формировании казачьих частей для борьбы на Восточном фронте. После вступления частей Вермахта на Кубань шкуринцы снова оказались около родных станиц, призывая земляков-кубанцев к «борьбе с иудо-масонским сталинским режимом». Снова над казачьими станицами стал развеваться черный флажок «Волчьей сотни». Эмигрантские журналы обошла фотография: «Генералы А. Г. Шкуро и Гельмут фон Паннвиц среди офицеров XV Казачьего кавалерийского корпуса».

5 сентября 1944 года генерал Шкуро был назначен начальником резерва Казачьих Войск. Кубанцы были переброшены в Северную Италию, в район Толмеццо, где располагался походный Казачий Стан. Последовали операции против итальянских партизан, переход в Австрию. Вместе с казаками шел и Шкуро. Когда Германия подписала Акт о капитуляции, генерал находился в

городе Шпиталь, недалеко от Лиенца. Белому генералу пришлось до конца разделить страдания своих казаков.

28 мая англичане пригласили его на совещание в штаб английского фельдмаршала Александера, в город Юденбург, где его арестовали и 6 июня 1945 года выдали советским властям. Рассказывали, что старый генерал хотел покончить жизнь самоубийством (бросался на штык) – такого позора и предательства он перенести не мог, ведь он был награжден орденом Бани от самого Короля Великобритании. Вместе с генералом П. Н. Красновым Шкуро был доставлен в Москву. Внучатый племянник Краснова вспоминал позднее минуты «общения» заключенных с окружающими их советскими конвоирами и своеобразную «популярность», которой пользовался у тех генерал Шкуро:

«Около него до зари торчала большая группа, главным образом, молодежи из сержантов, глаз не спускавшая с его подвижного лица. Шкуро ни на минуту не терял своего юмора. Отчаяние и гнев остались там, за мостом в Юденбурге, там, где остались предатели и изменники своему слову. В этих простых армейских солдатах, в большинстве деревенских парнях, он видел просто русских людей. Они, обращаясь к нему, называли его и “батько”, и даже “атаман”, переименовав его из Шкуро в Шкуру, и некоторые хвастались, что слышали о нем просто “небылицы” от своих дедов, дядьков и отцов.

Оживившись, Шкуро с большим подъемом рассказывал о “лупцовке” красных. Солдаты гоготали и хлопали себя по ляжкам от удовольствия. Более пожилые возражали и доказывали, что и они, красные, давали перца шкуринской волчьей сотне.

– Верно! – соглашался Шкуро. – Давали! Давали так, что у нас зады трещали!

Опять восторженный взрыв хохота. – Ишь ты, какой! – крякали все от удовольствия...

– Ишь, руки-то у тебя какие маленькие! – заметил один из сержантов.

– Маленькие, да удаленькие! Рубить умели! – весело ответил генерал, делая рукой типичные для рубки движения. Солдаты взвизгивали от удовольствия...»

Но между «простыми армейскими солдатами» – русскими людьми и пленными Белыми генералами по-прежнему стоял коммунистический режим. После показательного процесса «изменник Родины», «пособник оккупантов» генерал Шкуро был казнен по приговору Верховного Суда СССР 17 января 1947 года. Скупые строчки приговора, опубликованные в газете «Известия» от 17 января, поставили точку в его биографии: «В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых: Краснова П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и фон-Панвиц к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение».

Так завершился жизненный путь Кубанского «волка»-партизана, одного из самых популярных Белых героев Гражданской войны в России. Завершилась судьба, полная бурных эпизодов, бесконечной борьбы и скитаний. Жизнь, через которую прошли практически все драматические, но в то же время и героические события ушедшего в историю XX века. Судьба, которая, возможно, могла быть иной, более спокойной, размеренной, но... это была бы уже судьба другого человека.